

¹ ГМЭ, ф. 2, оп. 2, д. 103.

² Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931. От Т. О. Кобелевой в сборник «Пятиречье» вошло восемь сказок: № 2, 14, 22, 25, 27, 28 33, 43.

³ ГМЭ, ф. 2, оп. 2, д. 103, л. 2.

⁴ Под вкусом я подразумеваю некий психологический комплекс, в силу чего одно упускается, забывается, отмечается, другое принимается, запоминается и живет (прим. О. Озаровской).

⁵ Далее в рукописи следует текст сказки «Моряжка», который здесь не приводится, поскольку в основном он совпадает с вариантом, опубликованным в сборнике «Пятиречье». Укажем одно разночтение:

«Пятиречье»

В одной деревни был один богатеющих родителей молодец (с. 31)

Рукопись

В одной деревни был один дворянского сословия, не простой молодец (л. 6).

Кроме того, имеются некоторые различия в фонетических написаниях, которые не приводятся, поскольку в обоих вариантах нет выдержанного единства системы.

II

ПОБЫВАЛЬЩИНЫ Т. О. КОБЕЛЕВОЙ

Публикация Т. А. Новичковой

О. Э. Озаровская причисляла Татьяну Осиповну Кобелеву к типу «традиционных сказочников», которые берегут старинный язык, древний образ и фабулу.¹ Тем не менее не все, записанное от этой сказочницы, вошло в «Пятиречье». Не были включены в сборник побывальщины Т. О. Кобелевой, хотя они и произвели на собирательницу большое впечатление.

Тексты «Киевской были» и «Побывальщины» хранятся в Отделе русского народного творчества, в архиве Института русской литературы.² Это две машинописные копии, в один лист машинописи каждая. Обнаружить к ним полевые или черновые записи не удалось. Тексты публикуются без учета в них исправлений карандашом (простым и химическим).

Быль

Это уж быль, побывальщина. Жили дьякон и дьячиха в благочестии. Дьячиха никогда детей не нашивала. Вот она оберменела, и скоро ей родить, а дьякон заболел, стал помирать и сказал ей: — Ты рожать будешь, никого не зови и никуда не ходи, молись и береги дитя.

И помер. Вот ей родить, она забоялась: «Как я буду, ничего одна не знаю, побегу куго-ле позову».

Побежала, а с ворот ей кол в голову ударил. Она пала.

Очувствовалась и подумала: вот правду же дьякон сказал, никуда не ходить, никому не звать, видно так и нать. Родила мальчика, омыла его и лежит рядом с ребеночком.

Вдруг поп идет, за ним дьякон и дьячок. Так ей привиделось. Сели они за стол и книги раскрыли. Один спрашивает:

— Ну, какая ему жизнь?

— Жизнь хорошая.

— Будет ли жениться?

— Нет, брака ему не видать.

— А долго ле ему жить?

— Двадцать двух лет потонет, на второй день Пасхи.

Вот живет она с мальчиком, растит его, мальчик хорошенький такой, она радуется. И стало ему пятнадцать лет. Тут стала она плакать. Он спрашивает:

— Што ты, мама, плачешь?

— Ох, дитя, пойдешь ле куда, протись да благословись, в ноги мне пади.

— Я тем не дорожу.

И пал ей в ноги.

Время идет, ему уже двадцать два года, уже пост пришел. Мать горюет, плачет.

— Што ты, мама, все плачешь? Я ничего јись не могу.

— Ох, пойдешь ле куды, протись, да благословись, пади мне в ноги.

— Я тем не дорожу, а ты меня хлеба лишила, все плачешь.

Пришла Пасха. Сын здоровый, веселый. На второй день пришли товарищи звать его гулять. Он матери в ноги пал, протился, благословился и побежал. Товарищи забежали к себе в дом, а этот сел на колодец. «Ну, кричит, скорее ты! всегда. . .»

К сожалению, побывальщина сохранилась в неполной записи. Хотя, если соотнести ее с указанным самой О. Э. Озаровской типом сюжета за № 8 (932) (см. предыдущую публикацию), финал ее проясняется. Ближайшую сказочную параллель находим у Н. Е. Ончукова: в назначенный день героиня падает на колодец и умирает, несмотря на все принятые меры предосторожности (колодец был обтянут кожей).³

Вариант сюжета этого типа, записанный от Т. О. Кобелевой, замечателен не только выразительностью идеи судьбы, рока, которого нельзя избежать, но и «пасхальной» окраской «были», сопряженностью этой идеи с праздничным пасхальным миром, характеризовавшимся максимальной близостью к миру святых и умерших. Дни от Пасхи до Вознесенья почитались временем странствий Христа по земле,⁴ а кладбища и родительские могилы также были приготовлены для совместных трапез с покойными, как и накрытые столы в домах. Мысль о принадлежности человека не «этому», а «тому» свету носилась в воздухе.

К Пасхе часто прикрепляются те сказочные сюжеты, в которых речь идет о ребенке, предназначенном «тому» свету, судьба героя обычно решается дважды: в день его появления на свет или крещения и в дни совершенноголетия (последний момент как раз и совпадает чаще всего с Пасхой). В сказке «Крестник» (или «Христов крестник»)

крестьянин зовет в крестники странника. Когда сыну исполнилось около девяти лет, кум уводит мальчика в свой «дом», из окон которого виден рай и ад, судьба родных и близких; ⁵ крестник-Христос к Пасхе женит крестного сына, а к Вознесенью возносит обоих на небо.⁶ Традиционная волшебная сказка «По щучьему велению», попав в «поле притяжения» пасхальных мотивов, также включила в себя идею зачатого в Пасху ребенка как «божьего»: герой пожелал «по щучьему велению», чтобы царевна, в Пасху раздававшая милостыню, родила сына; когда малютка признает в мужике отца, то последний отказывается, отвечая, что ребенок божий.⁷

В побывальщине Т. О. Кобелевой мать, по мере приближения рокового дня, постоянно просит сына пасть ей в ноги, испросить благословения. Благословляя сына, она не только прощалась с ним, но и пыталась, по мере сил, предотвратить гибель и мучения, ожидавшие его. В крестьянстве благословению придавали магический смысл. Письмо с родительским благословением могли зашивать и хранить как заговор, оно «считается священным и служит спасительным образом по гроб жизни каждого».⁸ Получали его следующим образом: лицо, которое благословляют, становится перед иконой, где зажигается свеча и, положив три земных поклона, остается на коленях. Родители, положив на скатерть целый хлеб, на хлеб — соль и образ, обводят всем этим вокруг головы благословляемого три раза со словами: «Бог тебя благословит, милое дитя, на добрые дела». От хлеба отрезают краюшку и хранят вместе с образом и салфеткой.⁹

Вторая побывальщина, записанная О. Э. Озаровской от Т. О. Кобелевой — «Киевская быль», — принадлежит к числу традиционных рассказов о мертвецах. Ее текст приводится полностью по машинописной беловой копии.¹⁰

Быль

Уж и сама не знаю, враль это или не враль. Люди сказывали, сама уже не видела. Бывало это в киевской губернии, в деревне одной. Там все на баб полагают, што сорокой летают. И на повесть залетела, а из окошечка две сороки вылетели. Поп видит, не ладно. В той избы вдова жила, он туда зашел, дверь отворил: две женщины сидят и ребенка зажаренного едят. Одна родила, и они его погубили.

Эта женщина, которой ребенок был, заболела, стала помирать, попа созвали, стала каяться. Поп говорит:

— Покайся в том грехи, в котором я дверь отворил.

Она покаялась. Она и померла так. Вот снесли ее в церковь. Поп ночью пошел в церковь. Вдруг колокола ударили. Тут был трапезник. Поп трапезнику сказал:

— Бежи, узнай, што в церкви затравилось?

Трапезник побежал, поп один остался. Она стала его грызть. Все выгрызла: нос, уши. Он замолился соловецким угодникам, она пала.

Уж не знаю, враль может все это. Поп этот приежжал в Архангельск, показывалса, запутан весь шелковым гатаном, лице все разъедено. И все молице соловецким угодникам и сам это рассказывал.

Стара вера, как не бывала; сказывают, как да и неисправна: попы обманшпики, обманывают людей.

«Киевской» эта была названа вследствие устойчивого народного представления о примате «киевских» ведъм над всеми другими. В Белозерском уезде Новгородской области рассказывали о том, как мимо стоявших лагерем в двух верстах от Киева солдат «ведьма ходила каждую ночь. Первой линией шла кошкой, а второй линией шла собакой, а третьей линией шла свиньей».¹¹ В побывальщине, записанной в Симбирске, к двум идущим в Киев богомолкам пристала третья, просевшая сквозь землю на подходе к монастырю.¹²

Типичен для рассказов о ведьмах и образ колдуньи-сороки. В былинах сорокой оборачивается киевская ведьма, еретница Маринка. По народному преданию, сорокой обернулась Марина Мнишек,¹³ а в сказке Вятской губернии жена-колдунья сорокой летает за море на шабаш ведъм.¹⁴

В целом обе побывальщины, исполненные в простой, лаконичной манере, безусловно, относятся к классическим, традиционным образцам русского народного волшебного-фантастического рассказа.

¹ См.: Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931. С. 414.

² ИРЛИ, колл. 12, п. 2, ед. хр. 15, 16.

³ Ср.: Ончуков Н. Е. Северные сказки. СПб., 1908, № 147.

⁴ Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина // Рус. беседа. 1856. № 1. С. 78.

⁵ См.: Сборник великорусских сказок архива имп. Русского географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг., 1917. Вып. 1, № 28. С. 163—165. А также: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. № 811. Ср.: № 471=АА 804 I (Крестник бога).

⁶ Ончуков Н. Е. Указ. соч. № 119. С. 286—287.

⁷ См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957. Т. 1. № 167.

⁸ См.: АГО, разр. 24, д. 5, с. 8—9 (Новгородская губ.).

⁹ См.: ГМЭ, ф. 7, оп. 1, № 812, с. 1.

¹⁰ ИРЛИ, колл. 12, п. 2, № 16.

¹¹ Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915. № 161. С. 296.

¹² См.: Сказки и предания Самарского края, собранные и записанные Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884. № 73. С. 244. (Записки имп. Русского геогр. об-ва по отд-нию этнографии. Т. 12).

¹³ Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. Т. 1. С. 155.

¹⁴ Зеленин Д. К. Великорусские сказки Вятской губернии. Петрозаводск, 1915. № 15. С. 67—68. (Записки имп. Русского геогр. об-ва по отд-нию этнографии. Т. 42).